

DOI: [10.17805/ggz.2020.3.2](https://doi.org/10.17805/ggz.2020.3.2)

**Культура информационного общества:
противостояние традиций и постмодерна**

Э. Ф. Макаревич,

О. И. Карпухин

Московский гуманитарный университет

В статье показано, что культура информационного общества — это культура противоборствующих ценностей — традиционных и постмодернистских. Ценности постмодерна, очагами тлевшие с начала XX в., к концу его и в начале XXI в. уже завоевали определенные позиции. Об этом свидетельствуют тенденции развития культуры в западной цивилизации, которые отчетливо просматриваются под углом влияния на человека.

Ключевые слова: культура; информационное общество; традиция; постмодерн; массовая коммуникация

**Culture of the Information Society:
The Opposition between Traditions and Postmodernity**

E. F. Makarevich,

O. I. Karpukhin

Moscow University for the Humanities

The article demonstrates that the culture of the information society is a culture of competing values — traditional and postmodern ones. The values of postmodernity began to develop in some areas in the early 20th century. And they had gained some grounds by the end of the previous century and the early 21st century. This is borne out by the tendencies of the culture's development in the Western civilization that are clearly visible if we look at its influence on people.

Keywords: culture; information society; tradition; postmodernity; mass communication

ВВЕДЕНИЕ

Об информационном обществе начали говорить во второй половине XX в. Наиболее громко тогда звучали голоса Э. Тоффлера, Д. Белла, Э. Гидденса, Г. Шиллера, М. Кастельса, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ю. Хабермаса. Но это общество обрело достаточно ясные очертания, когда гуманитарная система массовых коммуникаций стала его ядром. А качество его определяется

соотношением в нем инструментального и критического знаний. И это случилось в последние два десятилетия.

Принципиальный вопрос в отношении массовой коммуникации — ее «продукция», т. е. транслируемые ею образы. И вот здесь следует посмотреть на классическую модель коммуникации Г. Д. Лассуэлла. Именно в своем усложненном варианте в качестве массовой коммуникации эта модель демонстрирует значение культуры для массовой коммуникации, которая связана с культурой информационного общества.

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА»

Понятие «культура» прошло в своем развитии путь от теории греческих софистов, римских стоиков до воззрений мыслителей XVII–XX вв. Все оказалось связано: понимание культуры как общего процесса интеллектуального, духовного и эстетического развития, как способа существования или образа жизни и понимание цивилизации как смысла исторического процесса и его достижений (совершенствования нравов, утверждения законности и социальной стабильности). Именно такое единение ценно для понимания культуры коммуникаций.

Этапы развития культуры отмечены И. Кантом, который с истинно немецкой пунктуальностью выделяет понятия «культура умения» и «культура воспитания» (именно они спустя столетия положили начало «культуре производства», «культуре бизнеса», «культуре войны» и другим частным культурам человеческой деятельности). Такой подход в критические моменты истории сыграл свою роль. Например, в начале Великой Отечественной войны, когда решалась судьба СССР, драматург А. Е. Корнейчук пишет пьесе «Фронт» (1942), в которой есть фраза о том, что некоторые генералы «все о военной культуре болтают»¹. Это к вопросу о культуре умений.

Г. Гегель в отличие от И. Канта утверждал, что «культура... в своем абсолютном определении есть... *освобождение и работа* высшего освобождения, а именно, абсолютный переходный этап на пути к больше уже не непо-

¹ ГОРЛОВ. <...> К сожалению, некоторые мои генералы этой простой истины до сих пор не уразумели. Есть у меня книжные стратеги, все о военной культуре болтают. Приходится им крепко мозги вправлять.

МИРОН. И очень плохо делаешь. Много еще у нас некультурных командиров, не понимающих современной войны, и в этом наша беда. Войну нельзя выиграть одной лишь храбростью. Чтобы выиграть войну, кроме храбрости нужно еще уметь воевать, уметь воевать по-современному. Опыт гражданской войны для этого недостаточен.

ГОРЛОВ. Вот видите, и брат мой о культуре заговорил. А я вас спрашиваю, о какой культуре можно говорить на войне, если сама-то война — дело совсем не культурное. Наше ремесло самое грубое, и в культурных, белых перчатках ничего не сделаешь (Корнейчук, 1942: 38).

средственной, естественной, а духовной, также поднятой на высоту образа всеобщности, бесконечно субъективной субстанциональности нравственности» (Гегель, 1934: 215–216; курсив источника. — Э. М., О. К.). По Гегелю, человек, овладевший культурой, становится носителем всеобщности. Гегель делит культуру на высокую и низкую. Высокая культура — это культура той исторической эпохи, когда идеализм главенствует во всех сферах общественной жизни, а человек достигает нравственного совершенства, когда господствует гражданское общество.

Немецкий философ различает также культуру «теоретическую» и «практическую». Исходной точкой выделения «практической культуры» для него является трактовка труда как особого рода деятельности, в процессе которой не только создаются материальные и духовные ценности, удовлетворяющие потребности человека, но и преобразуется сам действующий индивид. Обретение «теоретической» культуры, отражение явлений в логической форме Гегель связывает с процессом образования. В понимании культуры здесь он сближается с Кантом, с его «культурой воспитания», но одновременно расходится с ним, когда сводит культуру к нравственности.

Культура как очищение духа, как восхождение практической деятельности к высотам нравственности (культура критического знания) и культура «приземленная» — культура инструментального знания, культура умений, навыков, приемов, технологий — две ветви развития культуры, «гегелевская» и «кантовская». Где-то в истории они пересекаются, где-то «кантовская» «культура умения» побеждает. В случае такой «победы» линию общественного развития могут определять безнравственные люди, овладевшие высокими технологиями, ведомые либо безумными идеологическими доктринами, либо законами бесчеловечного рынка. Тогда совершенно не кощунственно звучат определения типа «культура насилия», «культура инквизиции», «культура гламура» и пр.

В России в конце XIX в. развивается свое понимание культуры, пожалуй, лучше всего выраженное писателем и лексикографом В. И. Далем: культура — «обработка и уход, возделывание, возделка; образование, умственное и нравственное» (Даль, 2006: 220). Российский культуролог А. И. Шендрик отметил, что «русская философская и общественно-политическая мысль изначально разделяла то понимание культуры, которое своими корнями уходило в рассуждения не столько греческих софистов, сколько Цицерона и римских стоиков, которые видели в культуре результат “воспитания души”, “обработки” индивида средствами образования с целью формирования у него определенного набора социальных качеств» (Шендрик, 2007: 80).

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» говорили об «обработке людей людьми». И чем совершеннее эта «обработка», тем выше культура

влияния на массы и отдельного человека. Маркс и Энгельс говорили о двух сторонах преобразовательной деятельности, одна из которых — «*обработка природы* людьми», другая — «*обработка людей людьми*», под которой подразумевается воспитание и образование человека, т. е. его социализация (см.: Маркс, Энгельс, 1955: 35; курсив источника. — Э. М., О. К.).

Но с развитием форм массовых коммуникаций, ориентированных на человека, можно говорить об «обработке людей людьми», занятыми в индустрии пропаганды, рекламы, массовой культуры — индустрии производства определенных ценностей и мифов, имеющих целью влиять на человека, формировать его мировоззрение, настроение. Американский социолог Б. Эренрейх характеризует средний класс, куда входят учителя, журналисты, профессора, инженеры, врачи, государственные чиновники, как «фабрику идеологии и ценностей США» (см.: Ehrenreich, 1989, 1992). Эта «фабрика» и обеспечивает «обработку людей людьми».

В конечном счете это и есть культура влияния на человека, объединяющая культуру материальную, создающую технические средства, и культуру духовную, создающую духовные ценности и мифы. Но именно технические средства дают возможность донести эти ценности и мифы до широких масс. Причем технические возможности определяют во многом и суть создаваемых духовных ценностей и мифов. Совершенствование технических средств неразрывно связано с духовным производством и духовным потреблением, распространением духовных ценностей, а по сути — с передачей информации.

КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Западное общество прошло в своем становлении аграрный, индустриальный и постиндустриальный этапы и сейчас «осваивает» постмодернистский этап. Все это было предвосхищено в определенной мере Д. Беллом, Э. Тоффлером, Ж. Бодрийяром, М. Маклюэном. Но начиная с индустриального все последующие общества, видоизменяясь от этапа к этапу, становятся массовыми. В массовом обществе производство и потребление выходят на первый план. Крупное индустриальное производство с его специализацией, стандартизацией, консолидацией и децентрализацией определило новые условия жизни — активную урбанизацию (что нарушает патриархальные связи), безудержный рост городов, необходимость массовой грамотности населения, развитие образования и СМИ (издание огромными тиражами газет и журналов, широкое распространение радио, телевидения, аудио- и видеозаписей). Эти жизненные условия возвели в культ потребительские ценности. Эти же условия поставили человека в жесткую зависимость от труда,

связанного с конвейерным производством, узкой специализацией, жесткой просчитанностью меры труда и меры потребления. Постоянное психологическое напряжение, периодически возникающая депрессия стали особенностями жизни и работы многих людей. Этими чертами отличается массовое общество эпохи индустриального развития.

Особенностью существования постиндустриального массового общества становится пренебрежение жизненным опытом, гипертрофированное стремление к получению удовольствий, стирание граней между мерами труда и потребления, возведение в высшую степень игры воображения и как следствие — уход от реальности.

Как культура соотносится с определенным типом общества? Не претендуя на раскрытие во всей полноте этого вопроса, отметим, что в 70-е гг. XX в. в развитии западной цивилизации настал этап, когда не столько критическое знание определяло развитие общества, экономики, культуры, сколько развитие инструментального знания и основанных на нем технологий. Эту особенность заметил Ю. Хабермас, который утверждал, что западные демократические общества подошли к тому состоянию, когда рост инструментального разума достиг критической отметки, переход которой приведет к созданию общества «антиутопии», в котором все меньше критического знания, «общественные места не становятся ареной обсуждения и свободного выбора, а общественные проблемы, подобно техническим, решаются экспертами, использующими инструментально-рациональное знание» (Громов, Мацкевич, Семенов, 1997: 327; см. также: Habermas, 1975).

Можно ли считать этот период временем рождения информационного общества с его новой культурой? Соотношение критического и инструментального знания может стать критерием идентификации общества. Если превалирует инструментальное знание, общество относится к информационному и массовому.

Современное развивающееся общество, становясь обществом информационным, «перешагивает» индустриальные и постиндустриальные границы (по Э. Тоффлеру). Этот процесс сопровождается созданием новых принципов управления, новой жизненной среды, нового образа жизни в условиях противостояния традиционных и постмодернистских ценностей. Информационное общество, где основа — массовые коммуникации, отличается информированность населения, участие граждан в общественных процессах на основе информационных технологий, включающих мобильную связь и Интернет.

Но сегодня об информационном обществе можно говорить, как о новом качестве массового общества. Это новое качество порождено, как «технологической» культурой управления образами, «виртуальной реальностью», ко-

торые создаются современными информационными и PR-технологиями на основе инструментального знания, так и культурой ценностей, отличающейся от культур других типов обществ, если следовать логике Ж. Бодрийера. По мнению ученого, именно характер ценностей определяет законы развития общества и особенности его культуры (Бодрийер, 2000: 10).

В постиндустриальном массовом обществе стираются границы между ценностями бытовыми, повседневными, ценностями рыночными как средством обмена и ценностями-символами. Так видел эту ситуацию Ж. Бодрийер.

Когда начинается хаос в иерархии ценностей, когда теряются критерии добра и зла, правды и лжи, что «можно» и что «нельзя», а в искусстве происходит смешение «жанров», когда «ценностный хаос» оказывается помноженным на инструментальные знания, служащие его продвижению, — это означает, что общество шагнуло в мир постмодернизма.

С позиции известных американских макросоциологов И. Валлерстайна, К. Калхуна, Р. Коллинза, М. Манна и Г. Дерлугьяна постмодернизм — это научное движение, под которым они понимают следующее: «Интеллектуальные настроения, распространившиеся в гуманитарных науках под общей рубрикой “постмодернизма”, скептически в отношении любых больших теорий или того, что сами постмодернисты называют “большими нарративами”. Место теоретического объяснения заняли сомнение, ирония, интерпретация проживаемого опыта, деконструкция представлений и мельчайшая интерпретация культурных практик. Данное интеллектуальное движение (а это именно социальное движение прежде всего в академической среде) берет истоки непосредственно в бунтах 1968 года и в демографических сдвигах в академическом сообществе, связанных с появлением в нем множества женщин и представителей меньшинств. <...> Постмодернистское движение всколыхнуло немало застойных вод, но оставило их взмутненными» (Есть ли будущее у капитализма?, 2015: 312).

Да, не прояснило, а взмутило. Поэтому в мире постмодерна все относительно, философия его — релятивизм, цели развития — туманны, будущее — абстрактно, этические критерии оценки любого действия, поступка, заявления, произведения — исчезают. Постмодерн — это общество, где, говоря словами английского писателя Г. Честертона, разрешены все мнения, кроме истинного. Единственный критерий — деньги, которые становятся мерилем всего. Это общество страха каждого перед всеми и всех перед каждым. А страх стимулирует хаос. Теперь выбор ценностей диктуется произволом, стечением обстоятельств, волей случая, часто диктатом более сильного и агрессивного. Духовное богатство прошлого, наработанное поколениями, теряет смысл, история стран и народов с ее трагическим опытом забывается,

образно говоря, превращается в хлам. Молодежь, издеваясь, осмеивает то, что было священно для прошлых поколений. Но при этом из старого «хлама» возводятся новые «конструкции», новые образы, кардинально меняющие облик и ценности прошлого. Немногие образы прошлых лет устояли, и то благодаря тому, что еще держатся те святыни, что связаны с национальным чувством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Постмодернистское движение, хотя и всколыхнуло общественную мысль, замутив ее, но более полезным оно оказалось не в познании человека и мира, а во влиянии на них, благодаря массовым коммуникациям, хорошо нашедшим себя в мире постмодерна. Взгляд на мир с позиции постмодерна открыл новые горизонты для массовых коммуникаций, которые в этом случае породили немало технологий, унижающих человека духовной нищетой своих агрессивных действий. Массовые коммуникации, придерживающиеся философии постмодерна, ориентирующиеся на определенные методы и школы в искусстве, предлагают для своих аудиторий тенденциозную, фальсифицированную и провоцирующую картину мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр, Ж. (2000) Прозрачность Зла. М. : Добросвет. 258 с.
- Гегель, Г. (1934) Соч. : в 14 т. / под ред. А. Деборина, Д. Рязанова ; Ин-т К. Маркса и Ф. Энгельса. М. ; Л. : Гос. социально-экономическое изд-во (Соцэкгиз). Т. 7: Философия права. XV, 380, [1] с.
- Громов, И. А., Мацкевич, А. Ю., Семенов, В. А. (1997) Западная социология. СПб. : Ольга. 372 с.
- Даль, В. И. (2006) Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : РИПОЛ классик. Т. 2: И — О. 784 с. (Золотая коллекция).
- Есть ли будущее у капитализма? (2015) : сб. статей / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун / пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М. : Изд-во Института Гайдара. 320 с.
- Корнейчук, А. Е. (1942) Фронт : пьеса [в 3 д.] / пер. с укр. М. : Военное изд-во Народного комиссариата обороны Союза ССР. 88 с.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955) Соч. : в 30 т. 2-е изд. М. : Гос. изд-во политической литературы (Госполитиздат). Т. 3: 1845–1847. XII, [2], 630 с.
- Шендрик, А. И. (2007) Культура в мире: драма бытия : избранные работы по теории и методологии культуры, социологии культуры, социальной философии. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 704 с.
- Ehrenreich, B. (1989) Fear of falling: The inner life of the middle class. N. Y. : Pantheon Books. viii, 292 p.

Ehrenreich, B. (1992) *Angst vor dem Absturz: Das Dilemma der Mittelklasse / aus dem Amerikanischen von W. Heuss*. München : Kunstmann. 294 S.

Habermas, J. (1975) *Legitimation crisis / transl. by T. McCarthy*. Boston : Beacon Press. xxiv, 166 p.

Дата поступления: 13.05.2020 г.

REFERENCES

Baudrillard, J. (2000) *Prozrachnost' Zla [La transparence du mal / The transparency of evil]*. Moscow : Dobrosvet Publ. 258 p. (In Russ.).

Hegel, G. (1934) *Sochinenii [Works]* : in 14 vols. / ed. by A. Deborin and D. Riazanov ; K. Marx and F. Engels Institute. Moscow ; Leningrad : Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo [State Social and Economic Publ. (Sotsekgiz)]. Vol. 7: *Filosofia prava [Elements of the philosophy of right]*. XV, 380, [1] p. (In Russ.).

Gromov, I. A., Matskevich, A. Yu. and Semenov, V. A. (1997) *Zapadnaia sotsiologiya [Western sociology]*. St. Petersburg : Olga Publ. 372 p. (In Russ.).

Dal, V. I. (2006) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka [Explanatory dictionary of the live great Russian language]* : in 4 vols. Moscow : RIPOL klassik Publ. Vol. 2: I — O. 784 p. (Series “Zolotaia kolleksiia” / “Golden collection”). (In Russ.).

Est' li budushchee u kapitalizma? [Does capitalism have a future?] (2015) : A collection of articles / I. Wallerstein, R. Collins, M. Mann, G. Derluguian and C. Calhoun / transl. from English ed. by G. Derluguian. Moscow : The Gaidar Institute Publ. 320 p. (In Russ.).

Korneichuk, A. E. (1942) *Front : A play [in 3 acts]* / transl. from Ukrainian. Moscow : Voennoe izdatel'stvo Narodnogo komissariata oborony Soiuza SSR [Military Publ. of the People's Commissariat of Defense of the Soviet Union]. 88 p. (In Russ.).

Marx, K. and Engels, F. (1955) *Sochineniia [Works]* : in 30 vols. 2nd edn. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury [State Publ of Political Literature (Gospolitizdat)]. Vol. 3: 1845–1847. XII, [2], 630 p. (In Russ.).

Shendrik, A. I. (2007) *Kul'tura v mire: drama bytiia : izbrannye raboty po teorii i metodologii kul'tury, sotsiologii kul'tury, sotsial'noi filosofii [Culture in the world: The Drama of existence : Selected works on the theory and methodology of culture, sociology of culture, social philosophy]*. Moscow : Moscow University for the Humanities Publ. 704 p. (In Russ.).

Ehrenreich, V. (1989) *Fear of falling: The inner life of the middle class*. New York : Pantheon Books. viii, 292 p.

Ehrenreich, V. (1992) *Angst vor dem Absturz: Das Dilemma der Mittelklasse* / aus dem Amerikanischen von W. Heuss. München : Kunstmann. 294 S. (In Germ.).

Habermas, J. (1975) *Legitimation crisis* / transl. by T. McCarthy. Boston : Beacon Press. xxiv, 166 p.

Submission date: 13.05.2020.

Макаревич Эдуард Федорович — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, профессор кафедры философии, культурологии и политологии МосГУ. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Эл. адрес: edward.makarevich@mail.ru

Makarevich Eduard Fedorovich, Doctor of Sociology, Chief Researcher, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Professor, Department of Philosophy, Culturology and Politology, MosUH. Postal address: 5, Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. E-mail: edward.makarevich@mail.ru

Карпухин Олег Иванович — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Эл. адрес: philosophy.mosgu@gmail.com

Karpukhin Oleg Ivanovich, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Honoured Scientist of the Russian Federation; Full member, International Academy of Science (Innsbruck). Postal address: 5, Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. E-mail: philosophy.mosgu@gmail.com

Для цитирования:

Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И. Культура информационного общества: противостояние традиций и постмодерна [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 3. С. 12–20. URL: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1232> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2020.3.2](https://doi.org/10.17805/ggz.2020.3.2)